

С треском провалившееся государство

Ростислав Ищенко

[ОДНАКО](#)

4 марта 2015 г.

Украинские элиты, получившие после раздела постсоветского наследства всё необходимое для успешного государственного строительства, своими разрушительными действиями довели страну до катастрофы.

Идеальные стартовые условия

Политика и история не детерминированы. И «проект Украина», доживающий последние месяцы, не был обречён изначально.

Внезапно возникшая страна обладала десятой экономикой мира. На её территории располагалось 40% мощностей советского ВПК и 60% тяжёлой промышленности. Развитое сельское хозяйство позволяло не только полностью обеспечить продовольственную безопасность государства, но и активно экспортировать продукцию аграрного сектора. Сеть железных и шоссейных дорог, магистральных трубопроводов, несколько крупных незамерзающих портов не только удовлетворяли потребности собственной внешней торговли, но и обладали практически неограниченным транзитным потенциалом. На Украине проживали 52 млн человек, в 1991-1992 годах демографическая динамика ещё была позитивной, страна обладала высококвалифицированными трудовыми ресурсами, системой подготовки кадров для промышленности и сельского хозяйства, высокоразвитой научной базой. Охраняла всё это добро миллионная группировка Советской Армии — самая крупная в СССР, вооружённая новейшим оружием, так как располагалась на острие потенциального главного удара.

Украина в момент обретения независимости имела значительно больше, чем было необходимо для строительства успешного государства. Более того, ей ещё и благоприятствовала геополитическая обстановка. У неё не оказалось сильных врагов или даже серьёзных конкурентов. Наоборот, в 1992 году украинское политическое

руководство с удовлетворением констатировало отсутствие внешних угроз. Отношения со всеми соседями были дружественными, а крупные мировые игроки сами стремились установить с Киевом хорошие отношения. Напомню, что в 1994–1996 годах родился формат G7+, который использовался исключительно для отношений с Москвой (G7 + Россия) и Киевом (G7 + Украина). Правда, российский формат позднее перерос в полноценную G8, а украинский растворился во времени и пространстве, но в середине 90-х они ещё были идентичны.

Была небольшая проблема: Украине не хватало собственных энергоносителей для обеспечения потребностей промышленности. Впрочем, не всех, а нефти и газа. Несмотря на достаточно высокий уровень собственной добычи — 4–5 млн тонн нефти (столько же, сколько и Румыния) и 20 млрд кубометров газа в год (больше, чем Азербайджан), — Украина покрывала только пятую часть своей потребности в нефти и четвертую в газе. Теоретические возможности нарастить собственную добычу существовали, но не были использованы. Равно как не была использована и возможность значительно снизить уровень энергопотребления промышленности.

Тем не менее недостающие объёмы газа и нефти традиционно поставляла Россия. С учётом того, что 60–80% транзита российских энергоносителей в Европу в 90-е годы обеспечивала украинская трубопроводная система, договориться о взаимовыгодных условиях поставок было несложно. Что, собственно, и сделал Кучма, заключивший в 2002 году десятилетний контракт с «Газпромом» о поставках газа по фиксированной цене — 50 долларов за тысячу кубометров. Контракт должен был действовать до 2012 года и обеспечивал украинской промышленности огромные конкурентные преимущества на мировых рынках, которые с каждым годом (с учётом быстрого роста цены нефти и газа) должны были только нарастать.

Значительный внешнеполитический и экономический потенциал Украины определялся ещё и тем, что в наибольшей степени её внешняя торговля и эффективность работы её промышленности находилась в зависимости от российских энергоносителей, российских рынков и во взаимодействии с российскими смежниками. Россия в течение 1992–2002 годов пережила политический кризис 1993 года, едва не вылившийся в полномасштабную гражданскую войну и надолго расколовший общество, две чеченские вой-ны, а также дефолт 1998 года. Будучи погружённой во внутренние проблемы, осложняемые нарастающими геополитическими противоречиями с евроатлантическими партнёрами, Москва нуждалась в минимальной политической лояльности Киева (более чем на нейтралитете Россия не настаивала) и готова была платить за это (и платила) серьёзными экономическими уступками.

Когда сегодня в Москве говорят о примерно 35 млрд долларов, безвозмездно вложенных Россией в украинскую экономику, речь идёт лишь о том, что можно подсчитать. Это подарки в виде сниженных цен на энергоносители, а также льготных кредитов и вложения средств в совместные проекты. Потери России от предоставления украинским товарам режима наибольшего благоприятствования на российских рынках и других косвенных форм поддержки украинской экономики подсчитать в принципе невозможно (эксперты называют суммы 200–300 млрд долларов, но это умозрительная оценка).

Против тренда

Как же при всей этой благодати Украина дошла до жизни такой, что ужасный конец представляется предпочтительным в сравнении с ужасом без конца?

Много говорят о коррумпированности элиты, буквально разворовавшей страну. Но тут же возникают встречные вопросы: почему 52 млн человек с упорством, заслуживающим лучшего применения, выдвигали именно таких управленцев? Почему при всей разнице методов руководства и сложившихся традиций российской, белорусской и казахстанской элит для них словосочетание «государственный интерес» несёт ясную и однозначную смысловую нагрузку, в то время как для украинских правителей это в лучшем случае что-то из области запредельного? В худшем же ссылака на государственный интерес на Украине — не более чем средство обмана собственного народа. Как вышло, что миллионы радостно соглашались быть обманутыми, обобранными, лишёнными будущего ради неких чуждых и далёких им символов — символов, не имеющих ничего общего ни с советской цивилизацией, из которой они вышли, ни с цивилизацией европейской, в которую они якобы мечтали влиться, а главное — с реальной жизнью?

С моей точки зрения, ответ на все эти вопросы даёт единственное существенное и хорошо заметное отличие принципов государственного строительства, принятых на Украине, и тех, которыми руководствовались российская, белорусская и казахстанская элиты. В трёх последних случаях строились государства граждан. В Белоруссии националистические партии влачат жалкое полумаргинальное существование. Только в последние три-четыре года у официального Минска начал проявляться спрос на лояльный «государственный национализм», который, с одной стороны, противопоставляется национализму оппозиционному, а с другой, должен создать белорусским властям точку опоры для микширования определяющего российского влияния в ЕАЭС.

В Казахстане существовал и существует довольно сильный казахский национализм, который, впрочем, не оформлен структурно (партийно) и проявляется скорее на бытовом уровне и на уровне отдельных бюрократических группировок. Но опытный Нурсултан Назарбаев с первых же дней существования независимого Казахстана чётко определил именно казахский национализм в качестве главной угрозы стабильности, территориальной целостности и самому существованию страны. Была принята концепция строительства не казахского, а казахстанского государства. Националистам пришлось удовлетвориться доминированием «национальных кадров» в политике и бизнесе. Но это доминирование не было абсолютным, а права инонационального, в первую очередь русского (русскоязычного, русскокультурного), населения были закреплены законодательно. Что касается России, то русские националисты до сих пор активно публично страдают по поводу того, что имперский дискурс в российской политике так и не сменился национальным, то есть опять-таки Россия строилась не как государство русских, а государство вначале россиян, а в последние годы — Русского мира.

Таким образом, Москва, Минск и Астана добились внутренней стабильности на основе межнационального компромисса, обусловившего отказ от националистической

политики. Адекватная внутренняя политика сделала возможной и конструктивную компромиссную политику внешнюю. Несмотря на все проблемы и противоречия, Россия, Белоруссия и Казахстан с середины 90-х годов шли по пути реинтеграции постсоветского пространства на новых политических, экономических, идеологических основаниях.

Украинское государство с первых дней своего существования начало создаваться как государство «титულიй нации». Приоритет был отдан именно национальному строительству, а слова, приписываемые графу Кавуру: «Мы создали Италию. Теперь мы должны создать итальянцев», — трансформировались украинскими националистами в «Мы создали Украину. Теперь мы должны создать украинцев». Вместо концепции равенства граждан была принята концепция «позитивной дискриминации», когда необходимость приоритета всего «украинского» объяснялась веками «угнетения».

Союз постсоветских бюрократов и националистов

Украинские националисты с первого же дня государственного строительства на Украине оказались в состоянии когнитивного диссонанса, когда декларируемые ими цели кардинально расходились с применяемыми средствами и реальными намерениями. Проще говоря, они напропалую лгали, прекрасно понимая, что, если скажут правду о своих целях, их не только к власти не допустят, но и из политики вышвырнут. Причём сделал бы это сам народ Украины, который в начале-середине 90-х годов ещё сохранял высокую постперестроечную активность и не был управляемой массой, в которую постепенно превратился к началу нулевых годов.

Следует отметить, что последовательные националисты, выступавшие с данных позиций ещё до падения советской власти, националисты, которые имели право сказать, что за украинскую независимость они боролись, составляли в украинской политике начала 90-х исчезающе малую величину. Степан Хмара, Левко Лукьяненко, Вячеслав Чорновол и братья Горыни — вот, пожалуй, и все их знаковые лидеры. Организации вроде Украинской национальной ассамблеи (УНА) и Украинской народной самообороны (УНСО) были маргинальны и малочисленны. «Народный рух Украины за перестройку», даже трансформировавшись в «Народный рух Украины», позиционировал себя как широкое общедемократическое движение (хоть и с национальным оттенком). До начала партийной структуризации это было аморфное политическое объединение, в котором радикальные националисты соседствовали с бывшими коммунистическими конъюнктурщиками (вроде Яворивского или Павлычко), а также с либеральной интеллигенцией.

При этом избиратель не особенно жаловал националистов, набравших на выборах 20–25% голосов (в среднем по стране). Реальную поддержку националистические политические силы получали только в трёх галицийских областях (Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской). В остальных регионах, даже на Западной Украине, они собирали менее 50% голосов избирателей, а в областях Новороссии — не более 5–10%. В таких условиях националисты должны были либо уйти в глухую оппозицию без каких-либо перспектив, либо найти себе сильного союзника. И такой союзник нашёлся.

Бывшие партийные и советские руководители УССР, отрѣкшиеся от своего прошлого ради сохранения должностей, в это время находились в состоянии поиска идеологии, которая могла бы обосновать их право на власть. От коммунистической идеологии они уже отказались, реинтеграционная риторика их пугала. Они считали, что восстановление единого государства приведёт к реставрации контроля Москвы над провинциальными элитами и резко ограничит их возможности распоряжаться сосредоточенной на территории Украины собственностью, в том числе бывшей общесоюзной. В какой-то степени злую шутку с Украиной сыграло именно доставшееся в наследство от СССР богатство. Казалось, что оно неисчерпаемо, и украинская элита была озабочена его охраной от бывших коллег, получивших меньше. Любые интеграционные инициативы воспринимались не как попытка наладить выгодное всем взаимодействие дополняющих друг друга экономик, а как покушение соседних республиканских элит на доставшееся украинской элите добро.

Здесь объективно совпали интересы украинской компартийной номенклатуры и украинских нацио-налистов. Националисты желали в русской стране, каковой была Украина в начале 90-х, построить нерусское (тогда ещё об антирусском речь не шла) государство. Бывшей компартийной верхушке необходимо было собственное государство для гарантии её права на грабёж доставшейся от СССР собственности. При этом, поскольку интеграционные процессы на постсоветском пространстве не могли не завязываться на Москву (традиционный политический центр + территория, объединяющая европейские и азиатские республики + неограниченный сырьевой ресурс), Россия оказывалась объективным противником как националистов, так и государственной бюрократии. Отсюда востребованность мифа о вечно угнетённом народе, который веками боролся (ясное дело, с Россией) за свою свободу. Отсюда же рождался и миф о евроинтеграции как столбовом пути развития Украины. При этом реалистичность евроинтеграционных проектов украинских политиков не волновала: главное было обосновать отказ от участия в постсоветских интеграционных проектах, указать другое направление.

Блоку бюрократов и националистов действительно удалось отодвинуть влиятельных левых (социалистов и коммунистов) от определения государственной политики. Здесь сыграли свою роль и обусловленные карьерными соображениями лидеров дрязги между КПУ и СПУ, и контроль власти над государственным аппаратом, и некоторая разочарованность населения в левой идеологии (Союз распался только что). В результате бюрократы получили контроль над экономикой и финансами и возможность беспрепятственно обогащаться, а националистам была дана в кормление гуманитарная сфера (культура, наука, образование).

Национал-олигархический симбиоз

За двадцать лет националисты не просто обработали в нужном идеологическом духе два поколения учащих, состоялась инфильтрация нацио-налистических идеологов всюду, где предполагалось наличие какого-то воспитательного процесса, в том числе в армию, структуры МВД, СБУ, в целом в силовые структуры.

Первоначально украинский национализм подавался в мягком варианте. В частности, до конца 90-х националисты признавали неоднозначность практики бандеровской

Украинской повстанческой армии (УПА), отделяя её от Организации украинских националистов (ОУН) как от чисто политической организации, они даже публично осуждали деятельность во время Великой Отечественной войны батальонов «Роланд», «Нахтигаль», дивизии СС «Галичина», шуцманшафт-батальонов, укомплектованных украинскими националистами. Тогда не могло быть и речи о признании Бандеры и Шухевича не только героями Украины, но сколько-нибудь позитивными политическими фигурами.

Лишь постепенно, с выходом на политическую арену новых поколений, акценты менялись. Этому способствовало и то, что Россия, погружённая в решение внутренних проблем, отказалась от борьбы за украинское информационное пространство. К середине 90-х годов с Украины оказались вытеснены российские телеканалы, а к концу 90-х — началу 2000-х и российские печатные издания. Украинская пропагандистская машина, не слишком эффективная и лишённая интеллектуальной составляющей, в условиях информационной монополии оказалась достаточно действенным средством. Конечно, желающие могли достаточно легко получить альтернативную информацию, но ведь большая часть населения политические новости всегда получает из наиболее доступных источников.

По мере готовности почвы украинский национализм становился всё более радикальным, постепенно превращаясь в откровенный нацизм. Статусные, «цивилизованные» националисты уже с начала нулевых (ещё до Ющенко) прекратили демонстративно воротить нос от нацистских боевиков. Они быстро нашли оправдание радикальности маргиналов. Оказалось, боевики потому нацисты, что обижены на то, что сохраняются советские символы, на то, что большая часть населения празднует 9 Мая, разговаривает по-русски и не торопится признавать в доживших до наших дней благодаря сталинскому гуманизму бандеровских живодёрах героев.

На каком-то этапе, в начале 2000-х, бюрократия, озабоченная подрывом социальной базы левых путём приватизации (в России происходили схожие процессы), вырастила олигархию. Теперь уже не бюрократы назначали миллионеров, а миллиардеры покупали целые фракции, министров, премьеров, президентов.

Бюрократически-националистический консенсус сменился олигархически-националистическим, к этому же времени ситуация на Украине показалась Западу (прежде всего США) созревшей для активного вмешательства. Вполне возможно, что, если бы украинские элиты сами не выбрали антироссийский курс, Запад не решился бы идти на прямое вмешательство и грубое давление. Однако Украина слишком долго стремилась оторваться от России, искоренить всё русское в себе, слишком усердно пестовала самые русофобские, самые тёмные силы, чтобы это не заметить и этим не воспользоваться.

К тому же с начала нулевых, со сменой президента, Россия стала всё более ориентироваться на национальные интересы, а не на абстрактные «общечеловеческие» ценности. Эта политика объективно входила в противоречие с американскими интересами, и антироссийская Украина представлялась Вашингтону достаточно эффективным инструментом сдерживания России. Нет ничего удивительного в том, что США сделали ставку на силы, представлявшие олигархически-националистический

консенсус и полностью контролировавшие украинскую политику (независимо от формальной межпартийной борьбы и даже вражды), тем более что силы эти были русофобскими не только по убеждению, но и, что важнее, преследовали личные меркантильные интересы.

Украина становится ключевым плацдармом США

Нельзя сказать, что США не присматривались к ситуации на Украине в 90-е и не формировали здесь свою группу влияния из числа политиков, бюрократов и лидеров общественного мнения. Просто тогда это была естественная работа «на всякий случай» (любая разведка всегда использует возможность обзавестись мощным агентурным аппаратом в занимающей стратегическое положение стране, особенно если это не требует лишних затрат). Но в 90-е годы США, имея дело с ельцинской Россией, готовой по большинству вопросов следовать в фарватере американской политики, платили ей признанием формального доминирования Москвы на постсоветском пространстве как зоне российских жизненных интересов и старались хотя бы формально не акцентировать своё вмешательство во внутренние дела постсоветских стран.

В начале нулевых внешняя политика России становилась всё более самостоятельной. Конечно, многие ориентированные на Вашингтон политики оставались у власти, но влияние проамериканского лобби на Россию больше не было определяющим, а динамика перемен и вектор движения не вызывали сомнений: новая российская власть взяла курс на восстановление внешнеполитической и внутривнутриполитической независимости. Путин был согласен остаться другом и союзником США, но равноправным, а не вассалом.

Вот тут-то и пришло время задействовать антироссийскую агентуру в постсоветских государствах. Характерно, что практически все состоявшиеся и неудачные «цветные революции» в СНГ приходятся на период 2003–2008 годов (от «революции роз» в Грузии, до «войны 08.08.08»). Цель этих переворотов заключалась не просто в отсечении от России постсоветского пространства, но в создании буфера враждебных государств по всей протяжённости её западных и южных рубежей (вплоть до границы с Китаем и Монголией). В результате возможности активной внешней и экономической политики РФ должны были быть заблокированы, ресурсы связаны поясом враждебности, состоящим из бывших союзных республик. Авторитет российской власти внутри страны и за рубежом подрывали бы постоянные провокации (по образцу тех, на которые не скупился Саакашвили). При этом Москва была бы ограничена в возможности дать на них ответ, поскольку любое неосторожное движение спровоцировало бы открытую войну с блоком постсоветских республик (Ющенко пытался втянуть Украину в российско-грузинский конфликт, а таких грузий-украин должно было стать 10–11). Таким образом, Россия противостояла бы блоку государств на фронте от Балтики до Байкала, а США могли бы трактовать эту войну как противостояние бывших республик российскому неокOLONIALИЗМУ, подводя Россию под действие Декларации ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам от 14 декабря 1960 года (кстати принятой Генеральной Ассамблеей по инициативе СССР) и всех последующих резолюций ГА ООН на данную тему.

Россия пропустила удар в 2003 году в Грузии и в 2004 году на Украине. Дальнейшее

распространение «цветной заразы» Москва смогла заблокировать (далее Бишкека перевороты не продвинулись, но даже в Киргизии «революция» завершилась такой же «цветной» контрреволюцией).

В 2008 году в ходе августовской пятидневной войны Россия перешла в геополитическое контрнаступление. С этого момента все силы США брошены уже не на маргинализацию Москвы с целью не дать ей превратиться в геополитического соперника Вашингтона, но на уничтожение состоявшегося геополитического соперника. Произошло замирение (пусть относительное и неустойчивое) российскими усилиями Средней Азии, а также блокирование американских интересов на Кавказе, чему в немалой, даже в определяющей степени способствовали два момента: принятие на себя Рамзаном Кадыровым ключевой роли в стабилизации Северного Кавказа и дискредитация проамериканского режима Саакашвили в Грузии, благодаря его поражению в войне (политики, пришедшие на смену Саакашвили, хоть и не друзья России, но более адекватны, что дало возможность стабилизировать отношения). Всё это к 2010 году сделало Украину ключевой для США страной постсоветского пространства.

Марионетка, торгующаяся с кукловодом

К этому времени в Киеве сохранялся национал-олигархический консенсус, предполагавший, что от России необходимо получать максимум возможных экономических преференций, но политику ориентировать на Запад. К 2010 году команда «оранжевого» майдана 2004–2005 годов полностью себя дискредитировала и не обладала серьёзной общественной поддержкой. Более того, эта команда продемонстрировала свою полную неспособность организовать острый конфликт с Россией (по грузинскому примеру), который связал бы российские ресурсы на украинском направлении, не давая Москве возможности проводить активную глобальную политику.

В связи с этим США не возражали против избрания Януковича президентом в 2010 году. В Вашингтоне были осведомлены, что Янукович попытается вернуться к кучмовской политике многовекторности, которая предполагала использование российских ресурсов для оплаты украинской евроинтеграции. В начале нулевых данная политика перестала удовлетворять США, с чем и был связан цветной переворот в Киеве в 2004 году. Тогда Вашингтону уже не нужны были союзники (даже максимально верные и минимально самостоятельные), ему нужны были исключительно исполнители принятых решений. Но в 2010 году ситуация изменилась: к поддержке украинской многовекторности Вашингтон толкало и общее ослабление геополитических позиций США, и нарастающие проблемы американской экономики. Денег на поддержание союзников у США не осталось. Теперь бесправные вассалы должны были оплачивать американскую политику из собственного кармана.

С учётом ситуации, сложившейся в Киеве к 2010 году, Янукович был единственным устраивающим США кандидатом на президентский пост. Ющенко́вская команда (включая сегодняшних «героев» Яценюка и Порошенко) была предельно дискредитирована, для её отмыывания требовалось время. Тимошенко зарекомендовала себя как политик непрогнозируемый и склонный к многократному обману партнёров.

При этом имевшийся у США компромат на неё (сотрудничество с Лазаренко) уже был засвечен в украинском информационном пространстве и практически не сработал. Между тем Янукович не только находился под контролем американских агентов (группа Лёвочкина — Фирташа), но и искренне собирался «интегрироваться в ЕС» путём подписания соглашения об ассоциации. Судя по всему, Виктор Фёдорович решил доказать всем, кто свергал его после выигранных выборов 2004 года, что только он может «объединить Украину», примирив Восток и Запад. По факту это означало отказ от предвыборных лозунгов и обещаний и начало проведения прозападной политики.

Янукович должен был подписать соглашение об ассоциации, которое уничтожало украинскую экономику, полностью дискредитировать себя, собрать весь негатив и уступить место на выборах 2015 года американскому ставленнику. А для гарантии (на случай, если не захочет уходить) ему на 2015 год готовили очередной майдан.

Янукович наивно рассчитывал, что поскольку Запад получает из его рук Украину в полное владение, то ему позволят переизбраться в 2015-м. Для этого он и его окружение активно финансировали и поддерживали нацистские организации (не только «Свободу», но тот же «Патриот Украины», УНА-УНСО и другие). «Фашистская опасность» по замыслу объединяла вокруг Януковича антифашистских избирателей Юго-Востока. Для умеренных националистов и «евроинтеграторов» манком должна была послужить подписанная ассоциация с ЕС. Наконец, для сохранения лояльности большей части населения, озабоченной исключительно проблемами экономического благополучия, планировалось под соглашение об ассоциации получить от ЕС кредит 15-20 млрд долларов, которых, по расчётам правительства Азарова, должно было хватить для сохранения и даже частичного повышения жизненного уровня до выборов 2015 года.

План Януковича был логически безупречен. ЕС, получавший Украину — актив стоимостью в триллионы, должен был раскошелиться на какие-то жалкие пару десятков миллиардов. Янукович и Азаров считали, что если в Грецию вложили 200 млрд евро, то 20 млрд долларов для Украины Брюссель найдёт.

Проблема заключалась только в том, что США не планировали оставлять у власти Януковича, представлявшего интересы национального производителя, которые рано или поздно должны были войти в противоречие с абстрактными, но убыточными «европейскими ценностями». Его должен был заменить абсолютно ручной компрадор, а национальный украинский бизнес должен был погибнуть, расчищая место европейскому.

Майдан вместо золотого ключика

В результате этой рассчитанной на пять лет операции США получали на Украине уже к началу 2015 года абсолютно ручной и абсолютно легитимный русофобский режим. ЕС же получал зону свободной торговли с Украиной, что, во-первых, после уничтожения украинской промышленности замыкало на Европу 45-миллионный рынок Украины (правда, с падающей покупательной способностью, но ещё способный некоторое время протянуть), но что важнее, через зону свободной торговли в рамках СНГ ЕС должен был получить выход на рынки СНГ, прежде всего России. Это минимизировало

европейские потери от планировавшейся к подписанию зоны свободной торговли между США и ЕС, в которой страдательной стороной был Евросоюз. Потери от зоны свободной торговли с США Европа должна была компенсировать за счёт России и СНГ.

Понятно, что США беспокоились не о компенсации европейских финансово-экономических потерь, а о своих геополитических интересах. Так вот, самое важное, что данная система зон свободной торговли, действовавшая как «кротовая нора» из США прямо в СНГ, обесмысливала Таможенный союз и ставила, таким образом, крест на всех российских интеграционных проектах в Евразии. Одним ударом США восстанавливали своё политическое и экономическое доминирование в мире, причём заплатить за это должен был самый опасный американский противник — Россия.

Схема крайне изящная, и я представляю себе, в каком бешенстве были вашингтонские политики, когда увалень Янукович внезапно, всего за месяц до подписания соглашения об ассоциации уяснивший, что никаких миллиардов на поддержание социальной стабильности ему не видать, отложил подписание. Янукович думал, что он поторгует, получит деньги и подпишет. Чтобы ЕС был сговорчивее, по старой украинской традиции съездил в Москву, где ему пообещали искомые миллиарды за куда меньшие уступки. Путин пытался разыграть в последний момент выпавшую ему украинскую карту, поэтому решения принимались мгновенно, а деньги выделялись большие.

В отличие от Януковича в Вашингтоне знают, что такое окно возможностей. Все взаимосвязанные элементы — от подписания соглашения об ассоциации Украина-ЕС до майдана-2015, включая соглашение о зоне свободной торговли США-ЕС, — были уложены в жёсткую схему и скоординированы по времени. Выемка одного кирпичика обрушала всё здание. В результате Янукович получил майдан уже в конце 2013-го.

Кто развязал гражданскую войну

Правда, благодарить за это надо не столько США, сколько Лёвочкина. Его и Фирташа бизнес был предусмотрительно защищён в соглашении об ассоциации, которое готовилось под бдительным присмотром главы администрации президента Украины — того же Сергея Лёвочкина. То есть после подписания экономика страны должна была разваливаться, большая часть олигархата беднеть, а группа Лёвочкина — Фирташа — богатеть. В свою очередь, отказ от соглашения об ассоциации ставил крест на финансовом и политическом благополучии группы. Лёвочкин, давно координировавший свои действия с посольством США и включённый в схему подготовки майдана, решил использовать данный механизм для давления на Януковича, принуждения его к подписанию декларации, и инициировал начало студенческого майдана, а когда он не произвёл на Януковича должного впечатления, то и провокацию с избиением, после которой майдан перестал быть мирным.

После этого у Януковича оставалось две-три недели для того, чтобы разогнать майдан, прежде чем его власть начнёт сыпаться изнутри, прежде чем формально лояльные министры и генералы начнут переговоры с оппозицией о переходе на её сторону, прежде чем активно вмешается Запад. Слишком уверенный в прочности своих позиций

и несерьёзности майдана, Янукович начал длинные переговоры с оппозицией, пытаясь путём временных уступок заставить майдан разойтись. Как только слабость была зафиксирована, в игру включился Запад. Режим был обречён.

Наученный предыдущим майданом, Янукович собирался защищаться. Он решил просто пересидеть майдан за милицейскими кордонами. По принципу: не разойдутся за полгода, разойдутся через год, но рано или поздно им надоест. И тут выяснилось, что в отличие от армии украинская милиция хорошо профессионально подготовлена и мирный майдан не сможет смести власть. Шанс есть только у вооружённого переворота.

В тот момент, когда украинская оппозиция и США приняли решение идти путём переворота, а ЕС с этим решением согласился, судьба Украины была решена. Если до этого, несмотря на десятилетие холодной гражданской войны русской и галицийской Украины, были варианты мирного, компромиссного урегулирования внутреннего конфликта, теперь горячая гражданская война и распад страны стали неизбежны. Проблема заключалась в том, что ударным отрядом переворота должны были стать неонацистские боевики, другой организованной силой оппозиция просто не обладала. Но раздача боевикам оружия (без которого они не смогли бы совершить переворот) и блокирование адекватных ответных действий правоохранительных органов делало неонацистов по факту хозяевами страны. Силловые структуры, будучи преданы политиками, быстро разлагались, профессионалы оттуда уходили, неонацисты туда приходили, конъюнктурщики, готовые служить любой власти, там оставались. Нацистские боевики оказались в тепличных условиях, позволявших им не только быстро наращивать собственную численность и вооружённость, но и установить фактический контроль над силовыми структурами.

Это было явной и очевидной угрозой для русского населения Украины. Оно было хуже организовано, не имело боевых отрядов, было практически не вооружено, но в условиях опасности развёртывания нацистского террора эти проблемы быстро преодолевались. 25 миллионов антифашистов не могли убежать с Украины. Не могли они и смириться с победой второго майдана, как смирились с победой первого. Первый растоптал их выбор, Конституцию и закон. Второй угрожал их жизням.

Вооружённое противостояние двух примерно равных частей Украины, к тому же поддержанных США и Россией соответственно, делало победу одной из сторон в войне проблематичной, а саму войну потенциально бесконечной. Наверное, так бы и случилась, и Москва бы на долгие годы увязла в украинском конфликте, но к моменту переворота внутренний экономический ресурс, обеспечивавший существование украинского государства, был практически исчерпан. Для вывода украинской экономики из кризиса требовались многомиллиардные кредиты, долговременные проекты и ёмкие рынки сбыта. Всё это Россия предоставляла Януковичу, но не собиралась (да и не могла бы, если бы и захотела) предоставлять нацистам.

Моментально выяснилось, что США и ЕС финансировать Украину тоже не собираются. Начинаясь гражданская война вполне устраивала Вашингтон: и деньги можно не вкладывать, и проблемы Москве и Брюсселю обеспечены, блокируется возможность создания опасного для США экономического альянса между ЕС и ЕАЭС. Ну а сам ЕС

так и не смог за время глобального кризиса выйти из тени США и начать защищать собственные, а не американские интересы.

Междоусобный спор

Отсутствие ресурсов не только для длительной войны, но даже для простой поддержки функционирования государства должно было сделать украинскую гражданскую войну короткой, но крайне интенсивной и кровавой. В принципе, так конфликт и развивался, пока Москве не удалось добиться временного снижения интенсивности боев, принудив Киев к Минским соглашениям.

Однако Минские соглашения не разрешили и не могли разрешить ключевых украинских противоречий. Таким образом, они изначально рассматривались сторонами украинского конфликта как пауза, которую необходимо использовать для укрепления своих позиций и усиления боевого потенциала. Киев оказался в худшем положении, чем ДНР и ЛНР. Республики опираются тылом на Россию, а их сравнительно небольшое население частично выехало в РФ, а частично способно существовать за счёт российской же гуманитарной помощи. На остальной территории Украины происходит экономическая катастрофа, быстро перерастающая в политический кризис. Ускоряющееся обвальное падение жизненного уровня широких слоёв населения, быстро растущая безработица, уже сейчас охватывающая до трети трудоспособного населения, отсутствие перспектив, вызывают недоверие к политикам майдана, раздражение ими и радикализацию общества, угрожающего майдан повторить.

Экономическая катастрофа вызвала раскол в и так не единой майданной элите. Необходимость борьбы за иссякающий экономический ресурс, а также предоставления на суд народа виновников поражений в войне и развала экономики делают договорённость между разными политическими группами практически невозможной. С учётом того, что каждая политическая группировка на Украине уже обзавелась собственными боевыми отрядами (в основном из числа добровольческих батальонов), весь политический опыт личного состава которых состоит только в вооружённом мятеже против Януковича и участии в гражданской войне, нетрудно предположить, что междоусобный майданный спор они тоже будут решать силой оружия.

Фатальная неизбежность самоликвидации

Гражданская война на Украине приобретает сразу несколько форматов, а её интенсификация становится вопросом ближайшего времени. Самостоятельно выбраться из фатальной воронки Украина не может. Нацисты не дадут властям пойти на компромисс с Новороссией. Новороссия не будет спокойно жить при нацистском правительстве. Ресурсов на микширование социальных проблем нет. Украинская власть неадекватна ситуации и плохо представляет себе, что реально происходит в остатках экономики страны, а также — кто и как определяет её политику. Решение конфликта внутриукраинскими силами ввиду их относительного равенства приведёт к столь многочисленным жертвам, что соседи не смогут просто наблюдать за происходящим, хотя бы потому, что через границы двинутся миллионы беженцев.

Чтобы не допустить развития конфликта по худшему сценарию, необходима внешняя

сила, которая согласится взять на себя ответственность за разоружение сторон конфликта и за финансово-экономическую поддержку Украины с целью реставрации её экономики. Сейчас не просто нет желающих заниматься подобной благотворительностью. С учётом политической ситуации на Украине (расколотовое, ненавидящее друг друга, до зубов вооружённое общество), а также состояния её экономики благотворитель рискует надорваться под украинским грузом.

Неадекватность украинской элиты, её иррациональная вера в готовность Запада безвозмездно решать все украинские проблемы за свой счёт поставили государство в положение, когда его самоликвидация в кратко-срочной перспективе является единственным логически непротиворечивым вариантом развития текущей ситуации. А вот сохранение и восстановление украинской государственности, даже в урезанных границах, представляется не просто маловероятным, но невероятным выходом, требующим для своей реализации чуда, в результате которого резко изменятся все действующие факторы. С точки зрения религиозной веры в чудо такой вариант возможен, с позиции политического анализа он настолько нереален, что просто не должен рассматриваться.

Нельзя отменить войну

И последний, возможно, самый неприятный для всё ещё верящих в возрождение страны граждан Украины, аргумент. Страну можно было бы спасти, если бы хоть один из глобальных игроков был заинтересован в продлении её существования. Конечно, послушав дипломатов и руководителей государств, немудрено поверить, что весь мир спит и видит, как бы сохранить Украину и восстановить её единство. Но как известно, дипломатам язык дан, чтобы скрывать свои мысли, а истинная позиция государства никогда публично не озвучивается (иначе не требовалось бы содержать разведывательные и контрразведывательные службы). Об истинных целях и намерениях государств можно судить только по их действиям.

Во-первых, между августом и декабрем 2014 года в Донбассе вместо разрозненных отрядов ополчения появилась армия. Армия обученная, хорошо вооружённая и явно избыточная для того, чтобы охранять те огрызки Луганской и Донецкой областей, которые ныне контролируются вооружёнными силами Новороссии. Можно, конечно, поверить в то, что танки, пушки, САУ, установки залпового огня и прочие «вкусности» ополченцы нашли в донецких степях. С апреля по август не замечали, а потом вдруг раз — и пошёл урожай: кто собирал грибы, знает, что так бывает. Можно поверить и в то, что тысячи инструкторов (от сержантского состава и до развёрнутых корпусных штабов), необходимых для создания эффективной военной структуры, просто приехали по зову сердца из разных стран (чего не случается в этом мире). Можно даже поверить в то, что техника находилась, а инструкторы прибывали не просто в нужном количестве, но и в необходимом соотношении, и с правильным разделением по специальностям. Но вот запасными частями, боеприпасами и ГСМ для интенсивных боевых действий ополченцев всё равно кто-то должен был снабдить.

Минимальная расчётная численность вооружённых сил Новороссии составляет 35 тыс. человек (порядка трёх дивизий времён Великой Отечественной войны). Для ведения нормальных боевых действий (а также для поддержания мирного населения хотя бы на

уровне выживания) обеспечение должно составлять сотни тонн в день. Для сравнения: 6-й полевой армии Паулюса под Сталинградом в начале окружения, согласно расчётам немецкого командования, только для поддержания боеспособности требовалось минимум 600 тонн грузов ежедневно. Паулюс считал, что минимальная потребность — 800 тонн. На момент начала окружения под его командованием насчитывалось до 240 тыс. бойцов (возможно, 30 тыс. румын немецким командованием не были учтены).

То есть, что бы ни говорили патриоты-алармисты, в Новороссии в кратчайший срок создана армия, избыточная для обороны имеющейся территории. Без помощи России создать такую армию было невозможно. Россия явно не склонна тратить деньги и ресурсы (которые не резиновые и не бесконечные) просто так. Если создаётся армия, способная наступать, значит, она будет наступать.

Во-вторых, если российские и дружественные СМИ на каждом углу рассказывают, насколько договороспособен Порошенко и как он вот-вот создаст федеративную нейтральную Украину без нацистов, то с учётом реального положения на Украине, регулярных обвинений Порошенко в предательстве со стороны неонацистов и его коллег по власти, Петра Алексеевича буквально ведут на заклание, предоставляя его оппонентам аргументы для переворота.

В-третьих, если ОБСЕ, ЕС и американские спутники в упор не видят российских военнослужащих в Донбассе и не замечают пересекающие границу далеко не только гуманитарные конвои (чем уже неоднократно вызывали истерику Киева), то это только потому, что они не хотят этого видеть. В конце концов, когда американцы или европейцы что-то хотят заметить, то они видят даже то, чего никогда не было, вроде оружия массового поражения в Ираке, референдума в Косово или российской вины в катастрофе малайзийского «Боинга» под Донецком. То есть, понимая, что в Новороссии создана армия гораздо сильнее той, которая разгромила вооружённые силы Украины в августе, и что эта армия рано или поздно пойдёт в наступление, ЕС и США совершенно не используют возможность обвинить Россию в том, что она вооружает сторону конфликта. Наоборот, «наши западные партнёры» предоставляют возможность Москве легализовать своё участие в вооружении Новороссии, постоянно принимая решения о предоставлении Украине военной помощи (в том числе оружия).

В-четвёртых, США подталкивают власти Киева к активизации военного конфликта, прекрасно понимая, что любой более-менее серьёзный повод будет немедленно использован Новороссией для очередного катастрофического разгрома украинской армии. Ясно Вашингтону и то, что следующая катастрофа на фронте будет последней — даже если у ополчения не хватит численности, чтобы занять всю территорию Украины сразу, переворот в Киеве и последующая махновщина на неподконтрольных ополчению территориях станут неизбежностью. То есть ни о какой Украине (единой или делимой) речи уже не будет.

Иными словами, все готовятся к войне, все понимают, каким будет исход войны, и манёвры всех сторон конфликта, скрывающихся за властями Киева, Донецка и Луганска, сводятся исключительно к тому, кто с большей убедительностью сможет переложить на оппонента вину за возобновление военных действий и неизбежное расширение масштабов и увеличение кровавости. Да, Москве и Брюсселю война на

Украине не нужна. Да, хотелось бы решить дело миром. Но поскольку Вашингтон настроен воевать, а Киев не может не воевать, начало второго этапа гражданской войны на Украине можно оттянуть, можно подготовить армию Новороссии, чтобы официально не вводить на Украину российские войска, но отменить войну нельзя.

Лондон и Париж хотели, чтобы СССР сцепился с Германией в 1939-м. Сталин хотел оттянуть начало войны хотя бы до мая 1942 года (к этому времени советская армия должна была завершить процесс перевооружения). Война началась в 1941-м. Очевидно, Путин был бы рад отодвинуть конфликт до 2017-го. К тому времени была бы высокая вероятность вернуть Украину без расширения зоны конфликта и без новых потерь. Очевидно, что США хотели, чтобы Россия воевала уже в апреле-мае 2014-го. Похоже, что уклониться от прямого участия в конфликте Москве удалось, но за это придётся заплатить полномасштабной (от Львова до Харькова и от Киева до Одессы) гражданской войной на Украине уже в 2015 году.

Возвращение империи

Последний вопрос, который может нас заинтересовать: что ждёт Украину по итогам войны? Ничего. Её не будет. Сам факт того, что при помощи Москвы никак не получается создать адекватные органы управления ДНР и ЛНР, свидетельствует о том, что эти образования не нужны. Новороссия остаётся географическим и историческим термином, но не становится политической реальностью. Армия была нужна — она появилась, а государственные структуры не нужны — они и не появляются. Значит, Новороссия и не планируется. Из этого патриоты-алармисты делают вывод, что её хотят «слить Киеву». Но если, как мы показали выше, Киев сам уже слит и самоликвидация режима — вопрос времени, а не принципа, причём ближайшего времени, то кому же сливать Новороссию?

Никому её не будут сливать и никто её не будет создавать. Зачем России новая Украина, но уже в качестве Новороссии? И никакое буферное государство между ЕАЭС и ЕС России не нужно. Оно только мешает. А с НАТО Россия и так граничит (Норвегия, Эстония, Латвия). И Украина России необходима вся или почти вся. А то, что к самостоятельному развитию эта территория не способна, что от неё одни лишь проблемы, теперь очевидно не только Москве, но и Брюсселю. Поэтому Новороссийский федеральный округ (наряду с Малороссийским) возможен, а независимое государство (независимые государства) — нет. Просто в мире кончились деньги — хоть на украинскую независимость, хоть на новороссийскую.

Пришло время империи возвращаться к естественным границам (ну хотя бы на юго-западе).